Мусоргский М.П. 19/III 89

Труд. - 1989. - 19 марта.

1989 — Год Мусоргского

«РАЗУМЕЮ НАРОД, КАК ВЕЛИКУЮ ЛИЧНОСТЬ...»

САМЫЕ удивительные истории хранят в своих стенах старинные петербургские здания. Вот высится над Фонтанкой мрачная под шпилем громада Михайловского замка. В год окончания лицея Пушкин с той стороны реки, из окна квартиры братьев Тургеневых, всматривался в этот «пустынный памятник тирана, забвенью брошенный дворец». Так родилась ода «Вольность» — страстные раздумья юного поэта о тирании и свободе...

Истории русской культуры было угодно, чтобы спустя полвека именно в этом замке, в ту пору уже прочно обжитом военно-инженерным ведомством, на первом этаже, в квартире своего друга начальника архива Опочинина вновь на ту же тему—о царях, о власти—размышлял старший помощник столоначальника лесного департамента Модест Петрович Мусоргский. Правда, времени для подобных размышлений было у него не так-то много. Ежедневно по 5—6 часов проводил над бумагами «по лесной части». Но зато вечера просиживал над оригинально переплетенным пушкинским томом: в нем между страницами «Бориса Годунова» были вклеены чистые листы для работы над либретто.

И вот на чистые листы ложатся бисерные строки, написанные каллиграфическим почерком Мусоргского. Одновременно со словами в его сознании рождается музыка. Из 23 сцен пушкинской трагедии он оставил лишь 9 и, следуя законам музыки, вынужден был что-то менять, переставлять слова и даже дописывать. И тем не менее опера в полной мере соответствует духу мятежной пушкинской трагедии. Не может облагодетельствовать народ тот правитель, у которого руки в крови, кто совершил преступление. Так вслед за Пушкиным утверждает и Мусоргский. Не потому ли и в наши дни мы воспринимаем оперу не только как гениальную музыку, но и как волнующее театральное действие, созвучное нашим мыслям и чувствам?..

«Я разумею народ, как великую личность, одушевленную единою идеею»—ради этой цели он мучительно раздумывал над каждой деталью, искал самые точные слова. Скажем, у Пушкина в песне Варлаама названа лишь первая строка. Сколько сборников песен перелистал Стасов по просьбе Мусоргского, пока отыскался подходящий текст. Но и в нем композитор изменил первые пять строк и сам написал те самые—буйные, раздольные, что знает сегодня каждый школьник:

Как во городе было
во Казани,
Грозный царь пировал
да веселился...

Или монолог Бориса, который так гениально пел Шаляпин,— он тоже начинается словами, которых нет у Пушкина:

Скорбит душа. Какой-то
страх невольный
Зловещим предчувствием
сковал мне сердце.

Уже давно в нашем сознании пушкинские стихи слились не только с мелодиями Мусоргского, но и со словами, так точно найденными композитором. Это классика национальной культуры.

— Все верно,— говорит Валерий Гергиев, главный дирижер Академического театра оперы и балета имени С. М. Кирова, музыкальный руководитель фестиваля, посвященного 150-летию Мусоргского, который две недели накануне знаменательной даты шел в городе на Неве,— «Борис Годунов» — классика. Вроде бы все известно о величии Мусоргского. Только как мы исполняем великого мастера? «Борис» идет во многих театрах, но почему-то никогда не звучал в полном объеме. Никому в голову не придет, скажем, утверждать, что есть слабые места в ранних поэмах Лермонтова и потому надо их публиковать в сокращении. Но в отношении Мусоргского такой произвол был почти узаконен. Считалось, что есть длинноты в партиях Самозванца, Марины, Пимена, есть вообще лишние сцены. Мы к фестивалю подготовили великую оперу, восстановив весь авторский текст. Пусть свое суждение выносит сегодняшний зритель и слушатель. «Вся музыка Мусоргского» — таков девиз фестиваля.

Действительно, какой же дошла до нас его музыка, если за столетие с лишним столько препон возникало на ее пути? Когда после нескольких отказов оперного комитета дирекции императорских театров «Бориса Годунова» все-таки поставили в Мариинке, то, несмотря на очевидный успех, на десятки вызовов автора, уже назавтра многие критики злобствовали. Выражение «какофония в 5 действиях» оказалось не самым сильным. Впрочем, вряд ли стоит удивляться этому, как и реакции вице-президента Русского музыкального общества великого князя Константина Николаевича: «Позор на всю Европу, а не опера». Как мы знаем, в разные периоды нашей истории всегда отыскивался «наверху» кто-то, полагающий своей обязанностью поучать деятелей культуры. Обиднее другое: ряд произведений Мусоргского не поняли и не приняли Балакирев, Кюи. А Герман Ларош, известный критик, буквально преследовал творения Мусоргского. Но именно он однажды, стараясь ужалить побольнее, верно подметил едва ли не самое сильное качество этой музыки, написав, что от нее «несет ароматом петербургского лета, ароматом Сенной и Екатерининского канала».

Точное наблюдение. Композитор почти безвыездно жил в столице, трудным каждодневным бытом буквально выстрадал такие циклы песен, как «Без солнца». «Жизнь, где бы ни сказалась, правда, как бы ни была солона»—это его кредо в музыке. И она возникала в нем в минуты боли, тревог, сомнений. Когда бродил по залам Академии художеств, где были выставлены картины внезапно умершего его товарища скульптора Гартмана,— так появились «Картинки с выставки». Или в зале Министерства внутренних дел на Фонтанке (теперь здесь типография, где печатают ленинградские газеты и наш «Труд»), на вернисаже вернувшегося с театра военных действий Верещагина. В числе других картин, безжалостно разоблачавших ужасы войны, особенно потрясал «Забытый», где был изображен труп русского солдата, оставленного на поле боя. Ревнители славы армии накинулись на художника, обвиняя его в клевете. Власти заставили снять три картины. В приступе гнева Верещагин уничтожил их. А Мусоргский в знак солидарности с художником создал балладу «Забытый» («Он смерть нашел в краю чужом»), которую запели по всей России.

— Все написанное Мусоргским известно,— продолжает рассказ Валерий Гергиев,— но многое почти никогда не исполняется. А если и звучит, то часто не в том виде, как написал композитор. Например, в прошлом году в Италии вышла пластинка с отлично записанной оперой «Саламбо», первым опытом Мусоргского в этом жанре. Да, он сам прекратил работу над этим сочинением, решив, что будет писать только на русские сюжеты. Но это же Мусоргский! Там много отличной музыки, наконец, ряд тем, которые получили потом развитие в «Борисе» и «Хованщине». То есть необыкновенно интересно. Но в России «Саламбо» целиком никогда не звучала. А вот итальянцы в оркестровке Золтана Пешко записали оперу на пластинке. Стыдно, конечно, что это произошло не в нашей стране. Теперь мы на фестивале тоже исполнили эту оперу в концертном варианте.

Вряд ли можно согласиться с многолетней практикой играть Мусоргского в оркестровках других композиторов, хотя известны и его собственные. Так «Ночь на Лысой горе» чаще звучала в обработке Римского-Корсакова. Мы сыграли в одном концерте два варианта: традиционный и авторский. Вышло очень интересно, словно два разных произведения. Также дважды в разных оркестровках прозвучали и «Картинки с выставки».

Ну и, конечно, особое место в афише фестиваля заняла поставленная у нас «Хованщина». Мусоргский не успел оркестровать свое великое произведение о русском народе. Это отлично с профессиональной точки зрения выполнил Римский-Корсаков, но не сохранил гармонический строй автора и сократил музыку минут на 40. В таком виде и шла «Хованщина» долгие годы. И только Шостакович по авторским рукописям оркестровал написанное Мусоргским в полном объеме. Мы взяли эту версию, выполненную рукой другого великого музыканта, нашего современника. Опера стала заметно длиннее, сместились привычные акценты. Уже после нашего спектакля состоялась премьера в Вене, где главный дирижер Клаудио Аббадо также взял за основу версию Шостаковича. Там «Хованщина» прозвучала как спектакль «звезд»: Н. Гяуров, П. Бурчуладзе, В. Атлантов... Настоящий музыкальный праздник, достойный памяти Мусоргского, человека великой и трагической судьбы.

«Крест на себя наложил я и с поднятой головой, бодро и весело пойду против всяких к светлой, сильной праведной цели, к настоящему искусству, любящему человека, живущему его отрадою и его горем и страдою», — писал Мусоргский Стасову, еще полный сил. Но настали годы, когда все острее чувствовал одиночество, отчуждение, отвращение к тупой канцелярии. И в жизни его начался надлом, приведший к преждевременному концу. Он еще истово писал «Хованщину», создавал другие шедевры. Болезнь прогрессировала. Он потерял место в департаменте. А когда началось воспаление спинного мозга, с трудом удалось положить композитора в Николаевский военный госпиталь под видом... денщика одного из лечащих врачей. Личных вещей у него почти не было, и супруга Кюи прислала в госпиталь вышитую косоворотку и халат мужа.

В этом зеленовато-сером халате с малиновыми отворотами за 10 суток до кончины композитора писал его Репин. Всмотритесь: одутловатое лицо больного человека, спутанные нечесаные волосы и добрые, печальные, полные тоски глаза. Так страшно уходил он в неполных 42 года, вручив дарственную одному из знакомых на авторские права на сочинения,—как изданные, так и неизданные, оценивая эти права в две тысячи рублей серебром.

В день рождения композитора ленинградцы станут свидетелями долгожданного события: на свое, так сказать, законное место у бывшего здания школы гвардейских подпрапорщиков вернется бронзовый бюст Мусоргского. А Союз композиторов и Ленинградское отделение Фонда культуры приняли решение о сооружении в Ленинграде памятника великому композитору. Уже сделаны первые взносы — гонорары от выступлений на концертах, за статьи и научные работы.

Но вот еще о чем необходимо сказать. Пока в Ленинграде, где прошла вся творческая жизнь Мусоргского, нет никакой экспозиции о его великой деятельности. Но как раз сейчас появляется возможность исправить, восполнить этот обидный пробел. Принято наконец решение о выселении из Михайловского замка различных учреждений. И уже свои претензии на большие экспозиционные площади предъявляют различные музеи, в том числе и Русский.

Думается, что наиболее верный вариант использования бывшего замка предложен специалистами, которые ратуют за восстановление интереснейших интерьеров замка и организацию здесь музея по истории замка и военно-исторического училища. Логичным и закономерным будет создание в таком музее экспозиции о Мусоргском, который прожил здесь два очень плодотворных года, обдумывая и сочиняя бессмертного «Бориса Годунова»...

А. ГЕРВАШ.

ЛЕНИНГРАД.